

НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ МУЖСКОГО ПОЛА В РУССКИХ ГОВОРАХ ПРИАМУРЬЯ

Картина мира, в том числе и языковая, является фундаментальным понятием концепции человека и выражает специфику его существования в сложных взаимоотношениях с собой и окружающим миром. Идеальным объектом для реконструкции фрагмента народной языковой картины мира может служить группа антропонимов, отражающая широкий диапазон социальных, психологических и духовных характеристик индивида: ролевые особенности поведения в процессе коммуникации, специфику межличностных отношений, психологических установок и др. в рамках одной диалектной микросистемы [1, с. 22].

Объектом нашего анализа выступают наименования мужчины в русских говорах Приамурья. Было выявлено 455 лексем, обозначающих человека в русских говорах Приамурья, методом сплошной выборки из Словаря русских говоров Приамурья [2], Словарной картотеки Г.С.Новикова-Даурского [3] и диалектных текстов общим объемом более 250 печатных страниц (хранение – архив лаборатории региональной лингвистики при кафедре русской филологии АмГУ).

Большую часть словарного состава диалекта составляют имена существительные, что объясняется устной формой бытования языка. В значении диалектных лексем преобладает денотативный (отражательный) компонент. Наибольший интерес для изучения представляют мотивированные существительные со значением лица, поскольку их внутренняя форма демонстрирует особенности существования человека в мире через указание на предметы, признаки, процессы, сопровождающие человеческую жизнь. Отношения между словами выявляются на уровне их тематической и лексико-семантической принадлежности – лицо, животное, неодушевленный предмет. Кроме того, должен быть конкретизирован релятивный компонент, который отражает характеризующие и функциональные параметры предметов [4, с. 131].

Для мотивированного имени существительного со значением лица и его лексических мотиваторов характерны следующие типы отношений:

- «часть и целое», а именно «часть тела – предмет» (*Грудница, она грудью кормит*);
- «предмет – место расположения предмета», а именно «местность – предмет по отношению к местности» (*Калужанцы с Калуги приехали; Вот и к нам Брянь понаехали, с Брянской области; Аргуней, аргунцы – это кто жил по Аргуню*);
- отношения родства, а именно «лицо – лицо, находящееся в родственных отношениях с другим лицом» (*Братанник – двоюродный брат*);
- «предмет – лицо, по роду деятельности связанное с предметом», а именно: а) «животное – лицо, связанное по роду деятельности с животным» (*Когда-то я был волчатником, поймал очень много волков; За курицами курятницы смотрели, кормили их, яйца собирали; Овчарка её называли, если много овец, её пастух тоже называют; Утятник я плохой, на уток не охотился*); б) «предмет – лицо, по роду деятельности связанное с предметом» (*Плугарь за плугом идёт; Фонариком был. На реке три поста у меня было и двадцать пять фонарей; Горшки по деревням возили горшешники; Бондарчуки делали бочки деревянные, бочки называли квашнями; Пряльщик он, сам прялки делает; По деревням ходили с узлами, узольники назывались, товары у их; Ну, лесовик – кто в лесу работает*);
- «действие – субъект действия», а именно: а) «действие – лицо, по роду деятельности связанное с действием» (*Метальщик метал стог наверху, от него требовалась сноровка и умение; Счас-то пахарицы за трактор садятся, а в войну пахарицы на коровах пахали; Печкарка хлеба напекла нам на дорогу; Родихой звали женщину, которая только что родила; Закидчик сеть закидывает; Человек, который жал, назывался жач; Вершельщик на стогу стоит, ему подают, он там раскладывает, завершает стог*); б) «действие – лицо, для поведения и характера которого свойственно действие» (*Я певухой когда-то была, ох, и любила петь; Рядом вон пьяноты живут, кур берут: пить на что-то надо; Он был заядлый чи-*

тальящик, носил всегда с собой книгу и, когда есть свободная минута, раскрывает её и читает; Курит и курит, ну, и куряка; Вот бормотун: разболтался – не остановишь).

50% от общего числа наименований человека в амурских говорах составляют наименования лиц мужского пола, 22% – лиц женского пола, 12% – наименования детей и 16% – наименования, относящиеся к лицам обоего пола. Говоря о значительном преобладании наименований лиц мужского пола, можно предположить, что, во-первых, народное сознание отличается гендерностью, проявляющейся в большей актуализации признаков маскулинности в языке диалектной личности, что связано с традиционными представлениями о роли мужчины в семье: он должен заботиться о заработке, чтобы прокормить семью. Обязанность же женщины связана с сохранением домашнего очага, воспитанием детей. Во-вторых, в проанализированных источниках представлены не все корреляты по роду, имеющиеся в тезаурусе языковой личности. Среди встретившихся лексем есть единичные пары, называющие лиц по положению в семье (ср., *большуха, сестренница, сеструха* – «старшая сестра или дочь» и *большак, братенник, братуха* – «старший сын или брат»), по особенностям характера (*плёшник – плёшница* – «ленивый человек»; *близирник – близирница* – «льстивый человек»; *худославник – худославница* – «человек, распространяющий грязные, дурные слухи о другом человеке»; *легостой – легостойка* – «ленивый человек»), по отношению к времяпрепровождению (*песельник – песельница, игрун – игруха* – «любитель(ница) песен, певец), по отношению мужчины и женщины друг к другу (*сухарник – сахарница* – 1. «молодые люди, которые встречаются, дружат»; 2. «любовники»), по профессиональной деятельности (*бандырь – бандырьша* – «содержатель(ница) проституток, иногда дающий(ая) приют вора и разбойникам»; *барахольщик – барахольщица* – «старьёвщик(щица), торговец старьём»; *хомутинник – хомутинница* – «знахарь»; *шептун – шептунья* – «знахарь, знахарка, лечащие наговорами»).

Анализируя лексемы, называющие человека, можно внутри каждой группы, выделенной по гендерному и возрастному признакам, выявить отдельные тематические подгруппы. Так, наименования мужчин классифицируются по следующим признакам: по профессии (78 единиц); по особенностям характера (15 единиц); по отношению к женщине (14 единиц); по социальному статусу (13 единиц); по отношению к пагубным пристрастиям (10 единиц); по участию в свадебном обряде (9 единиц); по положению в семье (9 единиц); по месту жительства (8 единиц); по особенностям внешности (7 единиц); по наличию увлечений (6 единиц).

Наибольшей в количественном отношении является группа наименований мужчин по профессии, что связано с многообразием видов деятельности селянина. На основе анализа лексических значений можно сделать вывод о том, что деревенский мужчина – человек занятой, работающий не покладая рук. Сфера его деятельности связана с рыболовными, охотничьими промыслами, полевыми и лесными работами. Большинство лексем отражает работу мужчин в поле: *плугарь* – «человек, идущий за плугом»; *сеятель* – «человек, сеющий сельскохозяйственные культуры в поле»; *гребельщик, грёбщик, гребец* – «человек, который сгребает сено»; *метальщик, мётчик* – «человек, который метает сено»; *вершинник, вершельник, вершилщик* – «человек, который укладывает вершину стога»; *жач* – «человек, который жнет сельскохозяйственные культуры; жнец»; *скирдовщик* – «человек, который укладывает скирды»; *копнельщик* – «человек, укладывающий копны»; *посоломщик* – «человек, отбрасывающий солому во время молотбы». Человек, занимающийся рыболовными или охотничьими промыслами, также имеет множество специализированных наименований. Например, *закидчик* – «человек, забрасывающий невод, сеть», *доночник* – «человек, который ловит рыбу донной удочкой», *рыбалочник* – «человек, занимающийся рыбной ловлей; рыболов», *баишлык* – «старшина в рыболовной артели», *утятник* – «охотник на уток», *волчатник* – «охотник на волков», *седок* – «человек, поджидающий добычу» и др. Человек, чья деятельность связана с лесными или речными работами, имеет наименования *лесовик, лесовицик* – «человек, занимающийся лесными промыслами», *дружбист* – «человек, который пилит лес пилой «Дружба», *чекеровицик* – «человек, который подтягивает тросы на лесозаготовках; чекерует лес», *сплавник, плáвник* – «человек, который сплавляет лес», *плотчик* – «человек, который делает плоты».

Нашли в русских говорах Приамурья отражение и такие профессии, как ямщик (*гужеед, дорожник*), забойщик (*бойщик, бычник*), киномеханик (*кинщик*), маляр (*красильщик*), помощник мастера на печных, каменно-кладных и штукатурных работах (*поднощик*).

Магазинник – «продавец»; *мелочник, мелошник* – «торговец мелким товаром»; *узольник* – «бродячий торговец»; *закупатель* – «человек, закупающий товары; скупщик»; *обрядчик* – «человек, договаривающийся о цене перевозок»; *барахольщик* – «старьевщик, торговец старьем»; *дёготник, дегтярник* – «человек, занимающийся продажей дёгтя»; *маркитант* – «торговец мясом; скотопромышленник»; *суздал, ходебщик, разносчик, торгован* – «торговец, вразнос продающий мелкие товары, необходимые в крестьянском быту; коробейник» – лексемы, обозначающие лиц, занимающихся торговым делом.

Также представлены наименования лиц, занимающихся приёмом молока от населения (*молокан*), обжигом кирпичей (*кирпичник*), изготовлением прялок (*пряльщик*), деланием прорубей (*прорубщик, пролубщик*), изготовлением бочек (*бондарь*), развозом горшков (*горшечник*). Особые номинации получили люди, занимающиеся воровством, знахарством (*хомутинник, шептун*).

Для наименований мужчин в русских говорах Приамурья характерна вариативность языковых единиц, образующих пары и многочленные ряды словесных модификаций. Широко распространены в амурских говорах однокоренные лексемы, различающиеся суффиксами (*гребельщик – грёбщик – гребец; метальщик – мётчик; вершинник – вершельник – вершилщик*). Встречаются и фонетические варианты: *прорубщик – пролубщик; бохарь – бахарь; шаульник – шавульник* [5, с. 28].

Кроме названий, характеризующих мужчину по его профессиональной деятельности, есть очень много таких, которые оценивают его внешний облик и личностные качества.

По данным анализа лексических значений наименований человека в амурских говорах можно выделить признаки, которые наиболее актуальны для носителей диалекта при именовании человека по его внешним данным: по росту: *шибздик* – «малорослый»; по особенностям телосложения: *бухряк, саксан, сатюк, лобань* – «здоровый, крепкий мужчина»; *запёрдыш* – «человек слабого телосложения»; по наличию физических дефектов: *тропник, косыга* – «человек, имеющий дефект зрения; косоглазый» и др.

В говорах актуализируются такие признаки внешности, как малорослость, излишняя полнота или худоба, косоглазие, то есть то, что отклоняется от нормы и, следовательно, бросается в глаза.

Сфера психической деятельности в наименованиях мужчины проявляется в нескольких аспектах. Он получает названия, характеризующие следующие его качества:

а) интеллектуальные особенности и уровень образования: *аслапан* – «бестолковый и упрямый человек», *балбес, балобан* – «глупый человек», *пентюх, телепень, фофан* – «глупый и простоватый человек», *дуропляс* – «человек, совершающий необдуманные поступки, тратящий время попусту»;

б) черты характера и особенности поведения: аморальное поведение (*охальник*), бесцеремонность (*надгальник*), бойкость (*архаровец, отбой*), ворчливость (*килун*), вспыльчивость (*бусарь*), высокомерие (*гордыбон*), гордость, хитрость (*жох*), грубость (*нахал*), крикливость (*галман*), ленность (*плёшник, бузуй, голендай, гулеван, легостой, углан, крутель, баклан*), льстивость (*подлизник, подхалим*), лицемерие (*близирник*), любопытство (*любопытник*), насмешничество (*шаульник, шавульник, оишавульник*), необщительность (*ненавистник*), самодурство (*издеватель*), скупость (*арод, скупердяй, скопидом, гомоюн*), упрямство (*урос, супротивник*). Можно выделить целый ряд наименований, служащих для обозначения жуликов, мошенников (*артис, асмодей, мошейник, хлюст*);

в) особенности речевого поведения: *бахарь, бохарь, мудозвон, бормотун, трототон* – «человек, много и попусту говорящий; болтун»; *баламут, язышник, худославник, плёшник* – «человек, распространяющий сплетни; сплетник»; *хвостобой* – «человек, занимающийся ябедничеством; ябедник».

По особенностям взаимоотношений с женщинами диалектная лексика характеризует мужчину как ловеласа, дон-жуана, похотливого человека (*бабник, хахаль, ёрник, ерун, ярун*),

робкого (*полудевье*), домоседа, занимающегося женским трудом (*полубабье*). Постоянного посетителя дома терпимости называют *бардашником*, имеющего двух жён – *двоежёном*, *двоеженцем*, любовника – *милёнком*, *ухажёром*.

Наибольшее осуждение вызывают такие качества мужчины, как скупость, болтливость, склонность к распространению сплетен, лень, упрямство. Реже обращается внимание на доброту (*доброход*), щедрость (*щедрот*). Лексика, характеризующая мужчину, выражает в основном отрицательную оценку, что вполне согласуется с понятием о норме: для русского человека положительное качество – явление, вписывающееся в норму, а отрицательное – явление аномальное и потому получающее языковую маркированность [см. напр., 6, 7, 8, 9].

К этой группе слов относятся и лексемы, называющие мужчин по их отношению к пагубным пристрастиям, также выражающие негативную оценку. Жителями амурских сел отрицательно оценивается пристрастие мужчин к алкоголю (*пьянот*, *пропивашка*, *выпиваха* – «пьяница»; *каплюжник* – «любитель выпить за чужой счёт») и к курению (*лемешинник*, *курильщик*, *курец*, *курака*, *курлик*, *курилка*, *махорочник*).

Мужчина на селе хорошо пел и делал это с большим удовольствием (*песельник*, *песняк*), играл на гармонии (*гармонщик*), проводил свободное время в веселье и играх (*игрун*). Отмечена и любовь мужчины к чтению (*читальщик*).

Мужчина выполнял большую роль в свадебном обряде, исполнял такие важные функции, как сватовство, перевоз приданого из дома невесты в дом жениха и др. Так, среди наименований лиц, участвующих в свадебном обряде, нам встретились следующие: *поджевшиник* – «друг жениха на свадьбе»; *сваточник* – «тот, кто сватает невесту»; *проводжаны* – «друзья жениха»; *приданщик* – «человек со стороны жениха, везущий приданое невесты в дом к жениху»; *постельник* – «человек, который вслед за невестой везёт её постель в дом к жениху»; *сухарник*, *обручник* – «жених».

В амурских говорах многочисленна группа наименований мужчин по месту жительства. Она представлена такими лексемами, как *западник* – «переселенец из западной, европейской части страны»; *проходимец*, *поселенец*, *населенец*, *прикочевник* – «переселенец из других мест»; *врожденец* – «коренной житель»; *галушник* – «переселенец с западных областей России, а также из Украины»; *лаптённый*, *лаптёжник* – «переселенец из южных и западных областей России». Можно заключить, что население Приамурья, являющегося территорией позднего славянского освоения, представляет собой совокупность жителей и их потомков из разных территорий России, Украины и Беларуси. В таких наименованиях, как *галушник*, *лаптёжник*, отразились нетипичные для коренных жителей Приамурья особенности питания (галушки – украинское кушанье – «кусочки теста, сваренные в воде»), особенности одежды (лапти – «плетёная обувь из лыка, охватывающая только ступню ноги, которую носили переселенцы из южных и центральных областей России, Украины и Беларуси»). Приведём воспоминания жительницы села Юхта Свободненского района Амурской области Григорьевой Е.Н., записанные во время фольклорно-диалектологической экспедиции 2001 года: «...везли-везли-везли баржами. Вот баржа идёт с Украины. Украинцев привезли. Один раз баржа шла, и народу там на барже – все белые. Ну, напугались, думаем, чё такое? А это белорусов везли. А у них-то одежда вся белая. Ой, и мужчины, и женщины, всё белое полотно, белое. Некрашеное. Лапти. А мы-то не знали лапти, у нас носили моршни. А они в лаптях приехали. Ну, первый раз вот я увидела лапти эти все» (Архив лаборатории региональной лингвистики).

Главным образом, народ стекался из западных и южных областей сначала Российской Империи, затем Российской Федерации, Украины и Беларуси. Этот факт нашёл своё отражение в наименованиях лиц, прибывших из тех мест: *западник*, *галушник*, *лаптёжник*, *хохол*, *кацап*, *москаль*, *могуль*. Особые наименования получили жители из таких областей, как Калужская (*калужанцы*, *калужан*), Тамбовская (*тамбоши*), Брянская (*брянь*), Могилевская (*могули*), а также переселенцы из Забайкалья, жившие на реке Аргуни (*аргунец*, *аргуней*), потомки забайкальских казаков (*гуран*, *суржик*), Китая (*китай*), европейской части России (*росеиц*), Бурятии (*братчон*), Монголии (*мынгал*). Городские жители, переехавшие в село из города, именовались *городьбой*.

Были выявлены лексемы, называющие мужчин по социальному статусу: *хозяйственник* – «хозяин»; *живоглот* – «зажиточный крестьянин; кулак», *средняк* – «небогатый крестьянин, ведущий единоличное хозяйство»; *подкулачник* – «бедный крестьянин, разделяющий взгляды богатых крестьян, выступавших против советской власти»; *сумочник, крохоборник, христородник* – «неимущий, нищий крестьянин»; *архангел, апостол, богодул, драбант, жиган* – «человек, не имеющий постоянного места жительства, склонный к бродяжничеству и воровству»; *хлопчик* – «наёмный работник; батрак». Особенно много в амурских говорах наименований нищих и бедных людей, что говорит об актуальности вопроса социального неравенства в годы активного заселения Приамурья и становления народного хозяйства.

Таким образом, диалектные наименования лиц мужского пола в русских говорах Приамурья чрезвычайно разнообразны. Внутри тематической группы возможно выделение ряда подгрупп в зависимости от особенностей характера и внешности, профессии, социального положения, места жительства и других особенностей мужчины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Найдён Е.В. Фрагмент языковой картины мира сквозь призму мотивационно связанных слов // Язык в поликультурном пространстве: теоретические и прикладные аспекты. Материалы Первой международной научно-исследовательской конференции 28-29 мая 2001. Томск, 2001. С. 22-26.
2. Словарь русских говоров Приамурья / Под ред. Ф.П.Филина. М.: Наука, 1983.
3. Словарная картотека Г.С.Новикова-Даурского / Вступит. статья и ред. Л.В.Кирпикова. Благовещенск: БГПУ, 2003.
4. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Томск: ТГУ, 2000.
5. Галуза О.Ю. Вариантные ряды как отражение системных связей в словаре одного говора (на примере картотеки словаря албазинского говора Амурской области) // Проблемы современной русской диалектологии. Тезисы докладов международной конференции 23-25 марта 2004 года, Ин-т рус. яз. им. В.В.Виноградова РАН. М., 2004. С. 28-29.
6. Блинова О.И., Телия В.Н., Шаховский В.И. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики // Вопросы языкознания. № 5, 1989. С. 139-142.
7. Графова Т.А. Смысловая структура эмотивных предикатов // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности / Отв. ред. В.Н.Телия. М.: Наука, 1991. С. 67-99.
8. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. Новосибирск: Наука, 1986.
9. Оглезнева Е.А. Человек в диалектной картине мира (на материале производных имен существительных русских говоров Приамурья) // Вестник Амурского государственного университета. Вып. 12. Благовещенск: АмГУ, 2001.

К.Пушкарева

УСТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОЖИЛОВ АМУРСКИХ СЁЛ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Великая Отечественная война в современной российской культуре воспринимается как наиболее значительное событие XX в., произошедшее в истории и сохранившееся в памяти старшего, ныне живущего поколения.

В рассказах амурских старожил о Великой Отечественной войне описываются события, имевшие место как на европейской территории России, так и на Дальнем Востоке (связанные с победой над японскими интервентами в Китае).

События военного времени служат обычно кульминацией автобиографического рассказа как на композиционном, так и на эмоциональном уровнях.